
ПИГУВИАНСТВО ПРОТИВ КОУЗИАНСТВА: КТО КОГО?¹

А.Е. Шаститко

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-49-57

Раскрыты основные характеристики подходов к обсуждению вопросов достаточности оснований для введения/отмены государственного регулирования вследствие выявления сбоев механизма цен. Сравнение подходов представлено на основе проблематики внешних эффектов. В связи с этим уточнены положения из теории внешних эффектов в части их определения и соотношения с условиями оптимального размещения ресурсов, а также представлены отдельные виды внешних эффектов. Рассмотрены ключевые типы корректировки сбоев механизма цен, в числе которых – регуляторное вмешательство, настройка механизма цен (в том числе создание недостающих рынков), сохранение статус-кво с внешними эффектами. На этой основе определены основные свойства пигувианского и коузианского подходов в экономической науке применительно к проблематике указанной формы провала рынка. Раскрыты особенности коузианства как функционалистского подхода исследованиях в отличие от фундаментального либерализма. С учетом значения ценностей, возможностей проектирования компенсационных трансакций и спроса и предложения экономических знаний представлены оценки перспектив функционализма и фундаментализма как руководства

© Шаститко А.Е., 2021 г.

Шаститко Андрей Евгеньевич, д.э.н., профессор, ведущий кафедрой конкурентной и промышленной политики Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия; aeshastitko@econ.msu.ru

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

к действию в сфере обсуждения и принятия политических решений. Показаны сравнительные преимущества функционализма и фундаментализма в интеллектуальных традициях обсуждения роли государства в экономике.

Ключевые слова: внешние эффекты, коузианство, пигувианство, регуляторный фундаментализм, либеральный фундаментализм, австрийская школа, функционализм.

Классификация JEL: D62, E14, H23.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о роли государства в экономике – один из важнейших, которые обсуждают экономисты в течение нескольких столетий. Его актуальность вновь возросла в свете кризисов последних 10–15 лет. В данной статье мы не ставим задачу в очередной раз провести инвентаризацию накопленного в экономической науке набора аргументов против регулирования, а также имеющиеся аргументы за регулирование. В фокусе нашего внимания – сам подход к обсуждению вопросов достаточности оснований для введения, отмены, восстановления государственного регулирования, которое будет рассматриваться на проблематики внешних эффектов – классического примера сбоя механизма цен.

Сначала мы уточним ключевые положения из теории внешних эффектов и рассмотрим базовые типы корректировки рыночных изъянов. Далее будут раскрыты основные свойства пигувианского и коузианского подходов к проблематике изъянов рынка. Для этого понадобится ввести еще два понятия – «либеральный фундаментализм» и «регуляторный фундаментализм». Наконец, на основе проведенного сравнительного анализа предложены оценки, касающиеся перспектив функционализма и фундаментализма в сфере позитивных экономических исследований, с одной стороны, обсуждения и принятия политических решений, с другой.

1. ВНЕШНИЕ ЭФФЕКТЫ: ИЗЪЯНЫ РЫНКА И СПОСОБЫ ИХ КОРРЕКТИРОВКИ

Классическим считается определение внешних эффектов через выгоды и издержки, не отраженные в системе цен. Следствие возникновения такого рода эффектов – неоптимальность размещения ресурсов. Действительно в случае, например, отрицательного внешнего эффекта масса товаров, реализуемых на рынке, может быть больше, чем Парето-оптимальное. Именно это обстоятельство дает основание упоминать на наличие *рыночного изъяна*.

Однако прежде чем рассуждать о вариантах реакции на факт рыночного изъяна, стоит обратить внимание на два обстоятельства: существование другого варианта определения внешних эффектов и их многообразие.

Если согласиться с тем, что механизм цен – не единственный способ координации действий экономических агентов, а есть другие варианты, которые хорошо описаны в рамках экономической теории трансакционных издержек, то следует принять во внимание также неценовые характеристики договорных отношений, в которых можно найти и способы распределения рисков, и варианты обеспечения достоверности обязательств. В этих условиях, также как и в ценах, находят (или не находят) отражение издержки и выгоды, на которые ориентируются участники экономических отношений в своих решениях. Если выгоды и издержки нашли отражение в условиях контрактов, то внешние эффекты можно считать *интернализированными* – полностью или частично. Если же такого не происходит, то внешние эффекты воспроизводятся.

Таким образом, согласие с идеей, что координация и согласование планов экономических агентов осуществляются не только с помощью цен, подводит к выводу, что более корректным было бы определение внешнего эффекта, в котором указывались выгоды и издержки, не отраженные в условиях контрактов. Правда, это определение – более точное

и вместе с тем менее операциональное. Оно требует приведения выгод и издержек к одной размерности (либо это будут индивидуализированные субъективные оценки, либо объективированные и приведенные денежные оценки). Вот почему далее, если специально не указано иное, мы будем делать акцент на *традиционное определение внешнего эффекта*, на основе которого проще объяснить феномен коузианства и пигувианства.

Еще более важный момент – многообразие внешних эффектов, которое отражает многообразие экономических отношений и их различных аспектов. Самый известный вариант классификации внешних эффектов – по знаку: отрицательные и положительные, поскольку они прямо соответствуют классическому определению внешнего эффекта. Однако наряду с ними экстерналии могут быть классифицированы по материальному основанию возникновения: технологические, потребительские и денежные. С точки зрения свойств внешних эффектов в цепочках создания стоимости внешние эффекты могут быть горизонтальными и вертикальными. Если рассматривать экстерналии относительно сторон договора, в связи с которым они возникают, то известны внутренние и внешние экстерналии. Прямые и косвенные экстерналии указывают на специфику рынка, который может быть обычным, односторонним, а может быть многосторонним, функционирование которого сопряжено с присутствием платформы. При желании перечень классификаций внешних эффектов можно было бы продолжить, но важный вывод, который стоит сделать уже здесь, состоит в том, что концепция внешних эффектов указывает на особый взгляд на отношения между людьми по поводу ограниченных ресурсов, когда возникает конфликт по поводу прав на них.

Стоит особо отметить, что многообразие внешних эффектов указывает в том числе на некоторые ситуации, в которых квалификация внешних эффектов в терминах субоптимальности размещения ресурсов (с соответствующими привычными выводами о провалах рынка) выглядит не так однозначно и требует пояснений.

Рассмотрим в качестве примера конкуренцию по Бертрону между двумя компаниями в условиях линейного спроса и постоянной отдачи от масштаба. Взаимодействие между этими компаниями может быть описано в терминах перекрестного отрицательного денежного внешнего эффекта. Небольшое снижение цены одним продавцом относительно общего начального уровня цены приводит к полной потере покупателей (при условии пренебрежимо малых издержек переключения), что стимулирует другую компанию тоже снижать цену относительно цены первой. В результате цена устанавливается на уровне предельных издержек, что соответствует принципу эффективного ценообразования в условиях конкуренции, а равновесие на рынке оказывается Парето-оптимальным. Причем участники конкуренции по Бертрону в результате не получают экономической прибыли в отличие от случая картеля. Отсюда важный вывод: квалификация внешнего эффекта как отображения субоптимальности размещения ресурсов чувствительна к контексту.

Далее мы будем рассматривать только те внешние эффекты, которые действительно сопряжены с субоптимальным размещением ресурсов, если специально не оговорено иное. С учетом принятых ограничений можно выделить три группы вариантов корректировки изъянов рынка: компенсация рыночного изъяна, его устранение и поддержание статус-кво, т.е. воспроизводство внешнего эффекта. Частичная интернализация внешнего эффекта не рассматривается как структурная альтернатива.

Компенсация рыночного изъяна – наиболее распространенный, самый привычный и обсуждаемый вариант корректировки изъяна рынка по схеме: если не рынок, то государство. В данном случае – государство с различными инструментами экономического регулирования (налогами, субсидиями, квотами и т.п.). Основная идея компенсирующего подхода – методами государственного регулирования обеспечить смещение рыночного равновесия в сторону Парето-оптимальности. Собственно, такой вариант представлен в учебниках по микроэкономике.

Устранение рыночного изъяна – метод, в котором задействован рыночный механизм. Иными словами, корректировка осуществляется непосредственно в результате действия механизма цен, но в том числе на основе создания правил, устанавливаемых и поддерживаемых государством и не связанных с регулированием. В рамках данного способа корректировки создаются/восстанавливаются недостающие рынки. Однако часто этот метод – причем ошибочно – ассоциируют с *теоремой Коуза*, которую изучают наряду с налогами Пигу в тех же учебниках по микроэкономике.

Наконец, третий вариант – воспроизводство внешнего эффекта, несмотря на то, что оно связано с субоптимальностью. Кажется, что это вырожденный случай и его заведомо не будут выбирать. Примечательно, что он как воспроизводящийся результат рассматривается крайне редко. Правда, есть одно исключение – трагедия общин, или проблема использования ограниченных ресурсов в свободном доступе. Другое дело, что этот вопрос редко рассматривают именно через призму теории внешних эффектов.

Однако как только снимается предпосылка о нулевых транзакционных издержках, основания для вывода о воспроизводстве внешнего эффекта могут быть менее очевидными. Это связано с тем, что как устранение рыночного изъяна, так и его компенсация сопряжены с транзакционными издержками и не могут, строго говоря, обеспечить Парето-оптимума. В лучшем случае результатом будет Парето-улучшение.

2. ПИГУВИАНСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Пигувианство – одна из интеллектуальных традиций² в сфере объяснения отноше-

² Мы специально применяемы термин *интеллектуальная традиция* в отличие от *научно-исследовательской программы* (по Лакатосу), чтобы подчеркнуть: указанные феномены *нельзя отождествлять*.

ний по поводу рыночных изъянов, в том числе изъянов, связанных с внешними эффектами. Подчеркнем особо, что здесь дело не в том, что рекомендуемым вариантом интернализации внешнего эффекта является налог (для отрицательной) или субсидия (для положительной) экстерналии.

В рамках данной интеллектуальной традиции важны две идеи:

- наличие рыночного изъяна является *достаточным* основанием для государственного регулирования;

- выработка *корректирующего механизма не требует сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив*, в первую очередь альтернатив государственному регулированию (по крайней мере, этот принцип не является общим правилом и, если применяется, то *ad hoc*).

Именно такой подход критиковал Коуз в свете дискуссии вокруг теоремы своего имени: «...использование налогов привлекательно еще и тем, что они могут быть проанализированы с помощью существующей теории цен, что разрабатываемые схемы выглядят внушительно на классных досках или в статьях и что они не *требуют знания предмета* (курсив наш. – А.Ш.)» (Коуз, 1993, с. 162). Мы могли бы продолжить это критическое замечание Круза, подчеркнув, что без предметного позитивного сравнительного анализа структурных альтернатив вообще возникает труднопреодолимое искушение не замечать важных деталей.

В силу первой из указанных выше идей эта традиция может быть квалифицирована как *регуляторный фундаментализм* – когда любые выявленные несовершенства в экономических отношениях пытаются решить введением и (или) распространением государственного регулирования, активного воздействия государства на свойства транзакций и контрактов, которые структурируют взаимодействие между индивидами.

В том числе потому, что часть этой традиции уходит в область выработки и принятия решения в сфере правоприменения и правоустановления.

Указанное свойство сопрягается с фактом отсутствия жестких и последовательных требований к государству, которые должны быть выполнены для того, чтобы можно было строить оптимистические прогнозы относительно Парето-улучшающей корректировки результатов функционирования рыночного механизма. Но даже если такие требования предъявляются, то к их нарушению обычно снисходительное отношение.

3. КОУЗИАНСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Структурной альтернативой пигувианству, или регуляторному фундаментализму, в интеллектуальном дискурсе и проецировании соответствующих идей в сферу принятия политических решений является *коузианский подход*. По законам жанра научной дискуссии обычно в первую очередь обращают внимание на те аспекты аргументации, которые отличают один подход от другого. Вот почему данный подход иногда ошибочно ассоциируют с вариантом *корректировки рыночных изъянов* посредством создания условия для создания пропущенных рынков или улучшения характеристик функционирования рынков без активного государственного вмешательства в форме регулирования, не говоря уже о директивном воздействии. Усугубляет проблему некорректное позиционирование теоремы Коуза с предпосылкой о нулевых транзакционных издержках. Эту теорему ассоциируют с вариантом устранения рыночных изъянов, игнорируя в целом проблему инвариантности результатов взаимодействия между экономическими субъектами по их организационной форме в условиях нулевых транзакционных издержек (Шаститко, 2010, с. 231–233).

В основе собственно коузианского подхода – идея о том, что все отношения между индивидами по поводу ограниченных ресурсов связаны с *ненулевыми транзакционными*

издержками. Именно в этой предпосылке – основа реалистичности данного подхода. Наличие таких издержек не дает оснований всерьез обсуждать вопрос о достижении первого наилучшего, а ориентирует на отбор *наилучшего из доступных вариантов корректировки* изъянов рынка в соответствии с принципом слабой формы отбора по Уильямсону (Уильямсон, 1996, с. 689). В связи с этим «различные формы экономической организации как дискретные структурные альтернативы осуществления экономических обменов не нейтральны по отношению к эффективности окончательного размещения ресурсов в условиях, когда трансакционные издержки больше нуля» (Шаститко, 2010, с. 264). И, как следствие, важный нормативный вывод: для выбора (в том числе на основе институционального проектирования на микро-, мезо-, макроуровнях) формы экономической организации нужен сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив, которые позволяли бы учитывать как их сравнительные преимущества, так и изъяны.

В начале данного раздела было отмечено, что коузианство порой путают с либеральным фундаментализмом, который построен на идее естественных преимуществ рыночной формы организации взаимодействия между людьми и существовании мощных механизмов самоустранения, самоликвидации каких бы то ни было изъянов, если только государство своими действиями не препятствует этому. Наиболее ярким проявлением либерального фундаментализма является исследовательская традиция, сформировавшаяся в рамках *австрийской школы* в экономической науке. Даже к тому направлению в экономической политике, которое направлено на поддержание условий конкуренции на рынках – анти-трасту, – отношение подозрительное, вплоть до требований отметить антимонопольное законодательство (Armentano, 1982, 1999)³.

³ О том, как могут соотноситься австрийская школа и новый институционализм в свете проблематики конкуренции и антимонопольной политики

Вот почему коузианский взгляд на мир мы будем называть также функционалистским, особенно если необходимо подчеркнуть отличие данного подхода от двух разновидностей фундаментализма – регуляторного и либерального. Является ли функционалистский подход к объяснениям и предсказаниям общественных явлений более реалистичным, чем фундаменталистский, – большой вопрос. Причина будет более подробно рассмотрена в следующей части статьи.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Может показаться, что функционалистский вариант напрашивается сам собой, особенно если речь идет о применении результатов исследований в целях выработки рекомендаций для политики. Действительно функционализм дает больше возможностей избежать ошибок в правоустановлении и правоприменении с соответствующими негативными эффектами (Шаститко, 2013).

Однако, на наш взгляд, функционалистский подход, хотя и является *рекомендуемым* с точки зрения построения сбалансированной политики, как в части формулировки норм, на основе которых организуются трансакции, так же как и механизмов, обеспечивающих соблюдение установленных норм, без которых вряд ли стоит рассчитывать на формирование соответствующих стимулов, вместе с тем *менее вероятен*, чем любой из фундаменталистских подходов. Этим, кстати, можно объяснить определенную периодичность в эволюции экономической политики по разным вопросам. Причем чем слабее функционалистский компонент, тем выше вероятность, что амплитуда колебаний будет сильнее.

В таком предсказании имеют значение три момента: 1) ценность, 2) слож-

на примере российского анти-траста, см.: (Новиков, 2003, 2004; Шаститко, 2003, 2004).

ность проектирования компенсационных трансакций как элемента функционалистского подхода к проектированию институтов, 3) дисбаланс спроса и предложения знаний, применимых/релевантных для поиска вариантов корректировки рыночных изъянов (интернализации внешних эффектов).

Ценности. Не претендуя на то, чтобы рассудить, какие ценности – либеральные или государственнические – более релевантны для создания благоприятных условий экономического роста и развития, отметим, что они так или иначе тяготеют, особенно в упрощенном виде, соответственно к либеральному или регуляторному фундаментализму. В свою очередь, функционалистский подход остается в определенной мере беспризорным. Сказанное не отменяет того факта, что коузианство в период быстрого распространения идей, основанных на работах Коуза (1960–1970-е годы), ассоциировалось с верой в силы рыночного механизма. На наш взгляд, эта вера была обусловлена в значительной мере тем, что основными оппонентами нового в тот период подхода выступали сторонники государственного регуляционизма. Контекст возникновения и распространения научных идей имеет значение!

Компенсационные трансакции. Как известно, институты характеризуются координационными и распределительными свойствами. Улучшение координационных характеристик институтов при неизменности (а еще лучше – симметричности по их адресатам) распределительных характеристик – скорее редкое исключение, чем широко распространенный случай. Разумеется, изменения в распределительных характеристиках, фиксируемые на стадии сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив в рамках оценки регулирующего воздействия как технологии институционального проектирования, могут приводить к конфликтам, разрешение которых предполагает построение компенсационных трансакций, позволяющих разблокировать сопротивление со стороны влиятельных групп изменениям, удовлетворяющим критерию

Калдора–Хикса. О том, насколько непростыми оказываются вопросы проектирования и осуществления компенсационных трансакций в рамках институциональных изменений, см., например, (Шаститко, 2010).

Дисбаланс спроса и предложения знаний в значительной степени обусловлен тем, что избыточное предложение знаний (такое тоже может быть – как говорится: многие знания – многие печали) приводит к тому, что в более длительной перспективе предложение сокращается. Причем это может происходить как в форме дрейфа в исследования, которые не имеют прямого выхода на политическую повестку дня, так и в форме исследования для отдельных компаний в случае возникновения у них такой необходимости (пример – прикладные исследования для поддержки правовой позиции компаний в рамках антимонопольных расследований, налоговых проверок и т.п.). Однако в силу неэластичности предложения экспертного знания по цене в случае резкого возникновения спроса качественный продукт предложить сразу будет сложно, если вообще возможно. Структурный дисбаланс предложения и спроса на экономические знания, на наш взгляд, связан также с проблемой *однорукого экономиста* (Тириоль, 2017), когда формируется такой запрос на экономические знания от политиков, который предполагает получение простых, понятных рекомендаций, а часто – еще и с быстрым эффектом («низко висящие плоды») в случае их внедрения.

Один из способов корректировки качества спроса на знания, которые необходимы для проектирования институтов и ex post оценки внедрения институционального проекта, – расширение временного горизонта принятия решений и оценки их последствий, которые включали бы эффекты обратной связи. Важнейший аспект данного вопроса – *характер идеационного поворота* (Тамбовцев, 2020) в экономической политике, с помощью которого можно было бы объяснять в том числе сложное переплетение институтов, идей и интересов, а также сформулировать если и не рекомендации, то предсказания, объяс-

нения возможной востребованности тех или иных идей.

В данном контексте стоит учитывать, что обозначенные структурные альтернативы производства идей для политики являются чистыми типами, в то время как в действительности не меньшее значение могут иметь нюансы. Например, формально может быть признана правомерность применения функционалистского варианта в проектировании институтов, а в качестве одного из ориентиров – принят принцип минимальных транзакционных издержек. Кажется, что в такой формулировке мы фиксируем приоритет коузианского отношения к институциональным изменениям.

Однако если учесть, что транзакционные издержки возникают во всех (!) измерениях отношений между экономическими агентами, важным оказывается не только, а порой даже не столько вопрос об абсолютном уровне транзакционных издержек, сколько об их *структуре, распределении бремени между различными группами* действующих лиц и *неоднозначном влиянии* транзакционных издержек на общие результаты взаимодействия экономических агентов. Принятие данного тезиса как значимого вместе с тем значительно усложняет задачу оценки действующего или проектируемого института, в том числе и для регулятора.

В первую очередь такое усложнение связано с необходимостью вникать в детали, например, коммерческой практики, осмысление которой само по себе может занять довольно много времени и требовать значительных интеллектуальных усилий. Отсутствие достаточных стимулов, компетенций или возможностей (число и сложность объектов превышают мощности регулятора) может приводить, в частности, к такому эксцессу, как *негостеприимная традиция в регулировании*: признание недобросовестного поведения участников хозяйственного оборота на основе простых шаблонов оценки.

В свою очередь, стремление регулятора минимизировать собственные издержки

путем использования таких шаблонов может приводить к решению вслепую, т.е. без учета значимых аспектов функционирования того или иного института. И, как результат, опора на некоторые убеждения, которые тяготеют либо к регуляторным, либо к рыночным (либеральным) принципам, расплачиваться за которые приходится не только и даже не столько регуляторам, сколько тем, кого они регулируют, а также тем, в интересах кого они должны регулировать.

* * *

Пигувианство – синоним регуляторно-функционализма, тогда как коузианство – иное название функционалистского подхода. Соответственно, коузианство нельзя путать с либеральным фундаментализмом.

Пигувианство позволяет сэкономить на издержках принятия решений, тогда как коузианство – на возможных негативных последствиях (если речь идет об отрицательных экстерналиях).

Коузианство рекомендуется применять в плане взаимодействия политики и науки, но более вероятный сценарий – пигувианский уклон в экономической политике (с возможным креном время от времени в либеральный фундаментализм).

И тем не менее: на вопрос «Кто кого?» – нет однозначно обнадеживающего и определенного ответа...

Список литературы / References

- Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД. [Coase R. (1993). The Firm, the market, and the Law. Moscow, Delo, Ltd (in Russian).]
- Новиков В. (2003). Влияние российского антимонопольного законодательства на экономическое развитие // Вопросы экономики. № 9. С. 33–48. [Novikov V. (2003). The Influence of the

- Russian Antitrust Legislation on Economic Development. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 33–48 (in Russian).]
- Новиков В. (2004). О праве собственности на внешние эффекты // Вопросы экономики. № 1. С. 141–146. [Novikov V. (2004). On the Right of Property on Externalities. *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 141–146 (in Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2019). Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. № 5. С. 26–45. [Tambovtsev V.L. (2019). Ideas and interests, economic policy and institutions. *Voprosy Ekonomiki*. no. 5, pp. 26–45 (in Russian).]
- Тироль Ж. (2017). Экономист в общественной жизни // Вопросы экономики. № 8. С. 42–55. [Tirrole Zh. (2017). An economist in the public space. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 42–55 (in Russian).]
- Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат. [Williamson O. (1996). Economic institutions of capitalism. Firms, Markets, Relational contracting. St-Petersburg, Lenizdat (in Russian).]
- Шаститко А. (2003). Выплескивая воду, не забудьте про ребенка! (о соотношении антимонопольной политики и экономического развития) // Вопросы экономики. № 12. С. 111–119. [Shastitko A. (2003). Pouring Water out of the Tub, Do not Forget the Baby! (On the Correlation of Antimonopoly Policy and Economic Development). *Voprosy Ekonomiki*, no. 12, 111–119 (in Russian).]
- Шаститко А. (2004). Реформа антимонопольного регулирования в России: повестка дня и дизайн дискуссии // Вопросы экономики. № 3. С. 140–148. [Shastitko A. (2004). Reforming Antimonopoly Regulation in Russia: Agenda and Design of Discussion. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3, pp. 140–148 (in Russian).]
- Шаститко А.Е. (2010). Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис. 4-е изд. [Shastitko A. (2010). The New Institutional Economics. Moscow, TEIS, 4th ed. (in Russian).]
- Шаститко А.Е. (2013). Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении. М.: Дело. [Shastitko A. (2013). Economics effects of errors in rules enforcement and enactment. Moscow, Delo (in Russian).]
- Armentano D. (1982). Antitrust and Monopoly: Anatomy of a Policy Failure. New York: John Wiley.
- Armentano D. (1999). Antitrust policy: The Case for Repeal. Ludwig von Mises Institute: Auburn.

Рукопись поступила в редакцию 27.04.2021 г.

PIGUVIANISM VS. COASIANISM: WHO WINS?

A.E. Shastitko

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-49-57

Andrey E. Shastitko, M.V. Lomonosov Moscow State University, RANEPА under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian; aeshastitko@econ.msu.ru

Acknowledgments. The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the RANEPА.

The main characteristics of approaches to the discussion of the sufficiency of grounds for the introduction / cancellation of state regulation due to the identification of failures in the price mechanism are revealed. The comparison of approaches is presented on the basis of the problem of externalities. In this regard, the provisions from the theory of externalities have been clarified in terms of their definition and correlation with the conditions for optimal allocation of resources, and certain types of external effects are presented. The key types of correction of price mechanism failures are considered, including regulatory intervention, setting up the price mechanism (including the creation of missing markets), maintaining the status quo with externalities. On this basis, the main properties of the Pigouvian and Coasian approaches in economics are determined in relation to the problems of this form of market failure. The features of Coasianism as a functionalist approach to research in contrast to fundamental liberalism are revealed. Taking into account

the importance of values, the opportunities for designing of compensatory transactions and the supply and demand of economic knowledge, assessments of the prospects of functionalism and fundamentalisms are presented as a guide to action in the field of discussion and political decision-making. The comparative advantages of functionalism and fundamentalisms in the intellectual traditions of discussing the role of the state in the economy are shown.

Keywords: externalities, coasianism, pigouvianism, regulatory fundamentalism, liberal fundamentalism, Austrian economics, functionalism.

Classification JEL: D62, E14, H23.

Manuscript received 27.04.2021

ПОСТИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В XXI В.: РАСШИРЯЮЩИЙСЯ, ЭКСПЕРИМЕНТИРУЮЩИЙ, ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ¹

Д.П. Фролов

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-57-68

Постинституционализм – перспективное направление изучения институтов, развивающее методологические идеи критического институционализма с целью построения расширенного институционального подхода (термин Дж. Ходжсона). Миссия постинституционализма – разработка междисциплинарных сложностно-центричных методологий анализа институтов, позволяющих развивать институциональные исследования за рамками как новой, так и оригинальной институциональной теории. В статье кратко излагаются логика создания и истоки постинституциональной экономической теории, приводятся ее методологические особенности, философские основания и ориентиры исследовательской программы. Постинституционалисты исходят из того, что методологический инструментарий как новой институциональной экономики, так и традиционного («старого») институционализма неадекватен для понимания и объяснения качественно усложнившихся институтов позднего капитализма. Такие институты внутренне неоднородны, высокоизменчивы, сочетают разные координирующие принципы (логики), их функции и границы с трудом поддаются идентификации. В фокусе особого внимания постинституциональной экономики находятся ассамбляжи – институциональные системы, объединяющие гетерогенные институты с несводимыми логиками.

© Фролов Д.П., 2021 г.

Фролов Даниил Петрович, д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия; ecodev@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00271.